

Переводчик: Антония

Позже в тот же день дворецкий Мо привел двух нянь и девушек, которые выглядели незнакомыми.

Это были слуги, которых Нин Шаокин обещал прислать, помогая охранять двор. Он все еще не знал жетона, но чувствовал, что вокруг нее раздаются угрозы.

Беспокоясь о ней, он чувствовал, что ей не хватает людей, поэтому решительно потребовал, чтобы позже, куда бы она ни пошла, за ней последовали Чуйи, Шиву и няня Мо.

Теперь, с Юйсуанем и командой воинов из Хэйму и Руошуй, особняк был относительно безопасен, хотя он все еще находился под наблюдением.

До тех пор, пока три так называемые двоюродные сестры не навлекли на себя неприятностей, она могла временно переносить их до годовщины смерти отца.

Ранняя летняя ночь была усеяна звуком цикады, но казалась тише.

Ночное небо было темно-синим и глубоким, посередине висела круглая светлая луна, сверкающий свет которой проникал в комнаты Снега и создавал, вместе с горящим ладаном, облачную обстановку сказочной страны.

Однако Мо Цяньсюэ, лежа на диване, не чувствовал себя расслабленным.

Она ждала Нин Шаоцина.

Он сказал, что придет к ней. Теперь она приказала всем остальным выйти, и только Призрак стоял на страже за пределами двора.

Нин Шаоцин сказал ей, что у Призрака острые уши, которые могут слышать все звуки в радиусе ста метров вокруг, когда тихо.

Флажок имел такое значение, и так как ее нынешним врагом был император, принц Женнан, и вся императорская семья, она должна рассказать Нин Шаоцину и разработать идеальный план.

Она не хотела причинять ему неприятностей, но она просто не могла проглотить ярость и даже не могла позволить Хэйму и Руошуй вниз.

Оказалось, что принятие этого знака означало получение не только власти, но и ответственности.

Нин Шаоцин вспыхнул через окно, темно-синее тонкое платье трепетало при ночном ветре.

Млечный лунный свет прошел сквозь листья и цветы во дворе, чтобы приземлиться на его нежное красивое лицо и осветить его платье. Чернильные волосы висели над его плечами, как водопад. По-настоящему роскошный мужчина.

Увидев его, Мо Цяньсюэ тут же обнял его. Клэри никогда не была так взволнована, как сегодня, и никогда так отчаянно не желала с ним встретиться...

Нин Шаоцин нашел это необычным, но, чувствуя протекающее тепло в его сердце, все еще затягивает руки, чтобы запереть ее внутри.

Тем не менее, они не знали, что так же, как Нин Шаоцин ступил в Снег, император тайно встречался с мастером Мо.

"Что случилось? Ты так скучаешь по мне всего лишь через день? ..." Нин Шаоцин обнял Мо Цяньсюэ и сел на диван.

По углам его глаз витала нескрываемая радость, которая, на фоне ясного лунного света, была глубока, как долина или озеро, как будто человек в его объятиях - самое драгоценное, заветное, хрупкое сокровище.

Чувствуя семейный запах, теплоту и мощь его объятия, Мо Цяньсюэ, необъяснимое негодование и печаль, весной превратились в кубик льда, плывущий по реке, который постепенно таял.

Она скучала по нему. Но, услышав дразнилки Нин Шаоцина, Мо Цяньсюэ было немного неловко.

Она фыркнула, выглядела как ребенок: "Ты винишь меня? Сколько раз ты приходила ко мне с тех пор, как я приехала в столицу? Каждый раз ты уезжала в спешке".

Говоря это, она извращалась, пытаясь выбраться из его рук.

На самом деле, Мо Цяньсюэ не винила его, но он думал, что она обвиняет его в том, что он её игнорирует. Он извинился, вздохнул и крепко обнял Клэри. Мо Цяньсюэ, конечно, не смог разобраться.

За несколько дней, прошедших с тех пор, как она оказалась в столице, он действительно не потратил и дня, чтобы сопровождать ее.

Его глаза снова потемнели, Нин Шаоцин заставил улыбнуться: "После середины осени мы проведем свадьбу". После этого мы проведем вместе каждый день и больше никогда не расстанемся..."

У него был низкий голос, как будто он говорил во сне.

Услышав это, Мо Цяньсюэ была в сложном настроении, как будто два маленьких парня ссорились в ее сердце.

Клэри подумала о том, что предложил Чанму, и слова на кончике ее языка наконец-то не прозвучали. Это дело могло быть как большим, так и маленьким. Если бы она была шире и заботилась только о себе, независимо от судьбы других, то у нее не было бы столько забот.

Однако, она не могла быть настолько бессердечной.

Она жила жизнью Сюэ. Тем не менее, она не была человеком, уступающим судьбе. Она также не могла стать свидетелем несправедливой смерти людей, с которыми у нее были кровные узы.

Она заметила, что с того момента, как она вошла в столицу, она уже была на этой дороге, не имея возможности вернуться обратно. Она, должно быть, миссис Нинг. Она, должно быть, Мо Цяньсюэ. У нее не было другого выбора.

Даже если она не собиралась оставаться в противоречии с Императором, Император разрабатывал план, чтобы убить ее даже во сне.

Сюэ была права. Были вещи, которые она сделала бы в любом случае, даже если бы она не попросила ее.

Враг теперь был императором, и она должна была быть в состоянии сидеть спокойно. Казалось, что теперь у нее действительно больше сердца.

У него уже было достаточно, чтобы справиться с этим. Она боялась, что вчера, после того как он ушел, ему пришлось иметь дело с делами клана, а тем временем столкнуться с выговором от старого хозяина Нинга и старейшин за то, что они внезапно сделали предложение перед императором. Она не хотела, чтобы на него ложилось больше бремени.

Тем не менее, ...

Мо Цяньсюэ был прав. Вчера, после возвращения Нин Шаоцина в особняк, первое, с чем ему пришлось столкнуться, было то, что старейшины вызвали его в конференц-зал, где он обсуждал свой брак.

Первоначально у него был жених, но в связи с его исчезновением бывший жених по фамилии Гуй женился на своем брате Нин Шаою. Конечно, старейшины не знали и не заботились о причине.

Нин Шаокин недавно занял должность хозяина. Некоторое время они еще не выбрали подходящую кандидатуру госпожи Нин Шаокин, но разрешили ему жениться на девушке из семьи второго уровня.

Используя и морковь, и дубинки, и взвешивая "за" против "против", ему, наконец, удалось заручиться согласием старейшин, а затем его вызвал отец...

Взглянув на запутанное выражение лица, Нин Шаоцин потерла волосы и засмеялась: "Я здесь ради тебя". Чего ты боишься? Просто скажи мне. Не смотря ни на что, я поддержу тебя".

Его голос был нежным и самодержавным, делая его одновременно торжественным и величественным. Там был воздух начальника, который трудно было игнорировать.

Авторитарные слова также несли в себе густую привязанность и баловство, таяние к тихой ночи, словно перо, расчесывающее кончик сердца Мо Цяньсюэ. Мягкое поглаживание сделало ее более решительной.

Она посмотрела вверх и моргнула, серьезно рассказав ему о Чанму и Юйсуане. На самом деле, Нин Шаоцин давно знал о Чанму. Но что касается секретного жетона, Призрак не услышал его, потому что Чанму сохранял низкий голос.

С тех пор, как он решил жениться на Мо Цяньсюэ, он, конечно же, не стал бы глухо ухаживать за особняком Основателя.

Тень был лучшим экспертом в разведке. После стольких дней Нин Шаоцин, естественно, знал кое-что из реального положения вещей.

Видя жетон, частично видный на ее шее, даже Нин Шаоцин, который, как считалось, был хорошо информированным человеком, был ошеломлен!

Фишка имела большое значение, поэтому он призвал ее сохранить ее в целости и сохранности даже после того, как узнал о ее чуде.

Это было неплохо для Мо Цяньсюэ. Это было причиной не только неприятностей, но и амулетом.

Они должны разобраться с этим с самого начала!

Глаза потемнели, Нин Шаоцин нахмурился: "Не возлагай на себя слишком много бремени". На самом деле, хотя Император и жаждет военной мощи твоего отца, он не желает смерти твоего отца так рано. Он поддерживает императорскую семью и приносит больше пользы, чем вреда императору. С ним Император более защищен. Он не настолько глуп, чтобы убить твоего отца. Боюсь, что это сделал кто-то другой, находящийся далеко от центра власти, и у Императора не было другого выбора, кроме как взять вину на себя".

"Ты имеешь в виду...?"

"В этом деле много подозрительных моментов, так что не веди себя безрассудно. Конечно, Императору нужен жетон. Будьте начеку."

Мо Цяньсю снова подумал об этом и поверил, что слова Нин Шаоцина имеют смысл.

Просто справляйся с тем, что на неё обрушится. Бесполезно было передумывать.

Тем не менее, она не простила бы того принца Женнана, который непосредственно привел к смерти отца.

Им было трудно встретиться один раз, так что было бы лучше оставить позади эти несчастные вещи. Поэтому Мо Цяньсюэ сменил тему и улыбнулся: "На днях я сказал тебе, что стал приобретённой дочерью госпожи Цзя. Думаешь, мне нужно навестить её для официальной церемонии?"

В глазах Нин Шаоцина было небольшое неодобрение. Он использовал другую руку, чтобы обмануть ее запястье: "Ненужно, потому что вы узнали ее. Просто навещай её больше в будущем. Я не вижу необходимости проводить церемонию".

В будущем она будет мадам Нинг. Как она могла случайно реверансовать другим?

Тем не менее, как бы то ни было, в будущем он будет больше заботиться о господине Цзя.

Думая об этом, Нин Шаоцин звучал несколько виноватым: "Это моя вина, что я не устроил это заранее, так что вы пострадали...".

На самом деле Мо Цяньсюэ никогда не винил в этом Нин Шаоцина, даже если мысль об этом инциденте сделала ее несчастной.

Но Нин Шаоцин не знала, что у неё на уме. Увидев здесь угрюмое лицо, он нахмурился и пообещал: "Не волнуйся. Я тоже не позволю этим людям хорошо провести время".

Мо Цяньсюэ ласкал его лицо, не желая втягивать его в грязную междоусобицу между

женщинами, и шутил: "Оставь их мне". Я довольно скучен в столице. С ними весело играть".

Просто кучка глупых крыс. Она может это исправить!

Нин Шаоцин понял это, протянув руку ему на ладонь.

На его губах появился очаровательный изгиб, и из глаз вырвалась нежность: "Ладно, я оставляю их тебе на забаву..."

Он был великолепен, особенно, когда он пристально смотрел на нее и когда на его лице была улыбка, которую невозможно было скрыть. Пара постоянно думала друг о друге. Следовательно, этим любящим взглядом, в молочном лунном свете, между ними, наконец, вспыхнула любовная болезнь.

Нин Шаоцин взял ее в свои объятия, прикрыв губы своими. Все чувства были сосредоточены на маленьком кусочке губ, и все остальное перестало существовать.

Только эти губы были местом, где он хотел жить.

Луна была туманной, а земля молчала.

Все в природе, казалось, поддерживало близость пары, пока не раздались ингармоничные крики кукушки.

<http://tl.rulate.ru/book/14777/1031223>